

Сибирский дневник

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Судьбы моей причудливое устье
внезпно пролегло через тюрьму
в глухое, как Герасим, захоlustье,
где я благополучен, как Муму.*

*

Все это кончилось, ушло,
исчезло, кануло и сплыло,
а было так нехорошо,
что хорошо, что это было.

*

Живя одиноко, как мудрости зуб,
вкушаю покоя отраду:
лавровый венок я отправил на суп,
терновый — расплел на ограду.

*

Приемлю тяготы скитаний,
ничуть не плачась и не ноя,
но рад, что в чашу испытаний
теперь могу подлить спиртное.

*

Все смоег дождь. Огонь очистит.
Покроет снег. Сметут ветра.
И сотни тысяч новых истин
на месте умерших вчера
взойдут надменно.

*

С тех пор как я к земле приник,
я не чешу перстом в затылке,
я из дерьма сложил парник,
чтоб огурец иметь к бутылке.

*

Живу, напевая чуть слышно,
беспечен, как зяблик на ветке,
расшиты богато и пышно
мои рукава от жилетки.

*

Навряд ли кто помочь друг другу может,
мы так разобщены на самом деле,
что даже те, кто делит с нами ложе,
совсем не часто жизни с нами делают.

*

Я — ссыльный, пария, плебей,
изгой, затравлен и опаслив,
и не пойму я, хоть убей,
какого хера я так счастлив.

*

Я странствовал, гостил в тюрьме, любил,
пил воздух, как вино,
и пил вино, как воздух,
познал азарт и риск, богат недолго был
и вновь бездонно пуст. Как небо в звездах.

*

Я клянусь всей горечью и сладостью
бытия прекрасного и сложного,
что всегда с готовностью и радостью
отзовусь на голос невозможного.

*

Не соблазняясь жирным кусом,
любым распахнут заблуждениям,
в несчастья дни я жил со вкусом,
а в дни покоя — с наслаждением.

*

Что ни день — обнажившись по пояс,
я тружусь в огороде жестоко,
а жена, за мой дух беспокоясь,
мне читает из раннего Блока.

*

Я снизил бытие свое до быта,
я весь теперь в земной моей судьбе,
и прошлое настолько мной забыто,
что крылья раздражают при ходьбе.

*

Я, по счастью, родился таким,
и устройство мое — дефективно:
мне забавно, где страшно другим,
и смешно даже то, что противно.

*

Мне очень крепко повезло:
в любой тюрьме, куда ни денете,
мое пустое ремесло
нужды не знает в инструменте.

*

Мне кажется, она уже близка —
расплата для застрявших здесь, как дома:
всех мучает неясности тоска,
а ясность не бывает без погрома.

*

Когда в душе тревога, даже стены,
в которых ты укрылся осторожно,
становятся пластинами антенны,
сигналищей, что все кругом тревожно.

*

Настолько я из разных лоскутков
пошит нехорошо и окаянно,
что несколько душевных закутков
другим противоречат постоянно.

*

Откуда ты, вечерняя тоска?
Совсем еще не так уже я стар.
Но в скрежете гармонию искал
и сам себя с собой мирить устал.

*

Я вернулся другим — это знает жена,
что-то прочно во мне заторможено,
часть бывшего меня тем огнем сожжена,
часть другая — тем льдом обморожена.

*

Порядка мы жаждем! Как формы для теста.
И скоро мясной мускулистый мессия
для миссии этой заступит на место,
и снова, как встарь, присмирет Россия.

*

Меня растащат на цитаты
без никакой малейшей ссылки,
поскольку автор, жид пархатый,
давно забыт в сибирской ссылке.

*

Когда уходил я, приятель по нарам,
угрюмый охотник, таежный медведь —
— Послушай, — сказал мне, — сидел ты не даром,
не так одиноко мне было сидеть.

*

Всех, кто встретился мне на этапах
(были всякие — чаще с надломом),
отличал специфический запах —
дух тюрьмы, становящейся домом.

*

На солнце снег лучится голубой,
и странно растревожен сонный разум,
я словно виноват перед тобой,
я словно, красота, тебе обязан.

*

Кочевник я. Про все, что вижу,
незамедлительно пою,
и даже говный прах не ниже
высоких прав на песнь мою.

*

Когда я буду немощным и хворым,
то смерть мою хотел бы встретить я
с друзьями — за вином и разговором
о бренности мирского бытия.

*

Мы бы не писали и не пели,
все бы только ржало и мычало,
если бы Россия с колыбели
будущие песни различала.

*

Случайно мне вдруг попадается слово,
другими внезапными вдруг обрастает,
оно — только семя, кристаллик, основа,
а стих загустеет — оно в нем растет.

*

Ночью мне приснился стук в окошко.
Быстрым был короткий мой прыжок.
Это банку лапой сбילה кошка.
Слава Богу — рукопись не сжег.

*

Мне не жаль моих азартных дней,
ибо жизнь полна противоречий:
чем она разумней, тем бедней,
чем она опасней, тем беспечней.

*

Есть время жечь огонь и сталь ковать,
есть время пить вино и мять кровать;
есть время (не ума толчок, а сердца)
поры перекурить и осмотреться.

*

По здравому, трезвому, злому суждению
Творец навсегда завецал молчаливо
бессилие — мудрости, страсть — заблуждению
и вечную смену прилива-отлива.

*

Мир так непостоянен, сложен так
и столько лицедействует обычно,
что может лишь подлец или дурак
о чем-нибудь судить категорично.

*

О девке, встреченной однажды,
подумал я со счастьем жажды.
Спадут ветра и холода —
опять подумаю тогда.

*

Что мне в раю гулянье с арфой
и в сонме праведников членство,
когда сегодня с юной Марфой
вкушу я райское блаженство?

*

Ко мне порой заходит собеседник,
неся своих забот нехитрый ворох,
бутылка — переводчик и посредник
в таких разноязыких разговорах.

*

Брожу вдоль древнего тумана,
откуда ветвь людская вышла;
в нас есть и Бог, и обезьяна;
в коктейле этом — тайны вишня.

*

Может быть, разумней воздержаться,
мысленно затрагивая небо?
Бог на нас не может обижаться,
ибо Он тогда бы Богом не был.

*

От бессилия и бесправия,
от изжоги душевной путаницы
со штанов моего благонравия
постепенно слетают пуговицы.

*

Как лютой крепости пример,
моей душою озабочен,
мне друг прислал моржовый хер,
чтоб я был тверд и столь же прочен.

*

Мы чужие здесь. Нас лишь терпят.
А мерзавец, подлец, дурак
и слепые, что вертят вертел, —
плоть от плоти свои. Как рак.

*

Нынче это глупость или ложь —
верить в просвещение, по-моему,
ибо что в помой ни вольешь —
теми же становится помоями.

*

Предаваясь пиршественным возгласам,
на каком-то начальном стакане
вдруг посмотришь, кем стали мы с возрастом,
и слова застревают в гортани.

*

Завари позабористей чай,
и давай себе душу погреем;
это годы приносят печаль
или мы от печали стареем?

*

Когда сорвет беда нам дверь с петель
и новое завертит нас ненастье,
то мусор мелочей сметет метель,
а целое запомнится как счастье.

*

Отъявленный, заядлый и отпетый,
без компаса, руля и якорей
прожил я жизнь, а памятником ей
останется дымок от сигареты.

*

Один я. Задернуты шторы.
А рядом, в немой уккоризне,
бесплотный тот образ, который
хотел я сыграть в этой жизни.

*

Даже в тесных объятьях земли
буду я улыбаться, что где-то
бесконвойные шутки мои
каплют искорки вольного света.

*

Вечно и везде — за справедливость
длится непрерывное сражение;
в том, что ничего не изменилось, —
главное, быть может, достижение.

*

За периодом хмеля и пафоса,
после взрыва восторга и резвости
неминуема долгая пауза —
время скепсиса, горечи, трезвости.

*

Здесь — реликвии. Это святыни.
Посмотрите, почтенные гости.
Гости смотрят глазами пустыми,
видят тряпки, обломки и кости.

*

Огонь и случай разбазарили
все, чем надменно я владел,
зато в коротком этом зареве
я лица близких разглядел.

*

Спасибо организму, корпус верный
устойчив оказался на плаву,
но все-таки я стал настолько нервный,
что вряд ли свою смерть переживу.

*

Мы многих в нашей жизни убиваем —
незримо, мимоходом, деловито;
с родителей мы только начинаем,
казня их простодушно и открыто.

*

Всему ища вину вовне,
я злился так, что лез из кожи,
а что вина всегда во мне,
я догадался много позже.

*

Порой оглянешься в испуге,
бег суеты притормозя:
где ваши талии, подружки?
где наша пламенность, друзья?

*

Сегодня дышат легче всех
лишь волк да таракан,
а нам остались книги, смех,
терпенье и стакан.

*

Плоды тысячелетнего витийства
создали и залог, и перспективы
того, что в оправдание убийства
всегда найдутся веские мотивы.

*

Хоть я живу невозмутимо,
но от проглоченных обид
неясно где, но ощутимо
живот души моей болит.

*

Грусть подави и судьбу не гневи
глупой тоской пустяковой;
раны и шрамы от прежней любви —
лучшая почва для новой.

*

Целый день читаю я сегодня,
куча дел забыта и заброшена,
в нашей уцененной преисподней
райское блаженство очень дешево.

*

Потоком талых вод омыв могилы,
весна еще азартней потекла,
впитавши нерастроченные силы
погибших до пришествия тепла.

*

Когда по голым душам свищет хлыст
обмана, унижений и растления,
то жизнь сама в себе имеет смысл:
бессмысленного, но сопротивления.

*

Этот образ — чужой, но прокрался не зря
в заготовки моих заповедных стихов,
ибо в лагере впрямь себя чувствовал я,
как живая лиса в магазине мехов.

*

Я уже неоднократно замечал
(и не только под влиянием напитков),
что свою по жизни прибыль получал
как отчетливое следствие убытков.

*

Душа не в теле обитает,
и это скоро обнаружат;
она вокруг него витает
и с ним то ссорится, то дружит.

*

Листая лагерей грядущий атлас,
смотря о нас кино грядущих лет,
пришедшие вослед пускай простят нас,
поскольку, что поймут — надежды нет.

*

Мы сами созидаем и творим
и счастье, и нелепость, и засранство,
за что потом судьбу благодарим
и с жалобами тычемся в пространство.

*

Когда, отказаться не вправе,
мы тонем в друзьях и приятелях,
я горестно думаю: Авель
задушен был в братских объятиях.

*

За годом год я освещу
свой быт со всех сторон,
и только жаль, что пропущу
толкучку похорон.

*

Все говорят, что в это лето
продукты в лавках вновь появятся,
но так никто не верит в это,
что даже в лете сомневаются.

*

И мучит блудных сыновей
их исподлобья взгляд обратный:
трава могил, дома друзей
и общий фон, уже невнятный.

*

Из тупика в тупик мечась,
глядишь — и стали стариками;
светла в минувшем только часть —
дорога между тупиками.

*

Бог молчит совсем не из коварства,
просто у него своя забота:
имя его треплется так часто,
что его замучила икота.

*

Летит по жизни оголтело,
бредет по грязи не спеша
мое сентябрьское тело,
моя апрельская душа.

*

Чем пошлей, глупей и примитивней
фильмы о красивости страданий,
тем я плачу гуще и активней
и безмерно счастлив от рыданий.

*

В чистилище — дымно, и вобла, и пена;
чистилище — вроде пивной;
Душа, закурив, исцеляет степенно
похмелье от жизни земной.

*

Тоска и лень пришли опять
и курят мой табак уныло;
когда б я мог себя понять,
то и простить бы легче было.

*

Жизни плотоядное соцветие,
быта повседневная рутина,
склеив и грехи, и добродетели,
держат нас, как муху — паутина.

*

Земля весной сыра и сиротлива,
но вскоре, чуть закутавшись в туман,
открыто и безгрешно-похотливо
томится в ожидании семян.

*

Ничтожно мелкое роение
надежд, мыслишек, опасений —
меняет наше настроение
сильней вселенских потрясений.

*

Не знаю, кто диктует жизнь мою —
крылат он или мелкий бес хромой,
но почерк непрестанно узнаю —
корявый и беспутный, лично мой.

*

Сытным хлебом и зрелищем дивным
недовольна широкая масса.
Ибо живы не хлебом единым!
А хотим еще водки и мяса.

*

Навряд ли наука найдет это место,
и чудом останется чудо.
Откуда берутся стихи — неизвестно.
А искры из камня — откуда?

*

Душа лишается невинности
гораздо ранее, чем тело;
во всех оплошностях наивности —
она сама того хотела.

*

Прихоти, чудачества, капризы —
это честь ума не умаляет,
это для самой себя сюрпризы
грустная душа изготавливает.

*

Я ведал много наслаждений,
высоких столь же, сколь и низких,
и сладострастье сновидений —
не из последних в этом списке.

*

По капелькам, кусочкам и крупичкам
весь век мы жадно ловим до кончины
осколки той блаженности, что снится,
когда во сне ликуешь без причины.

СОДЕРЖАНИЕ

Сибирский дневник	5
Московский дневник	69
Гарики на каждый день	105